

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

ЮРИЙ КОВАЛЬ

САМАЯ ЛЁГКАЯ
ЛОДКА
В МИРЕ

«МАЛЫШ»

Детская иллюстрированная классика

Юрий Коваль

Самая лёгкая лодка в мире

«Издательство АСТ»

1984

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коваль Ю. И.

Самая лёгкая лодка в мире / Ю. И. Коваль — «Издательство АСТ», 1984 — (Детская иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-17-153650-3

«Самая лёгкая лодка в мире» – знаменитая повесть Юрия Ковалья, которая во многом имеет биографическую основу. Книга впервые вышла в 1984 году и была награждена почетным дипломом Международного совета по детской книге для писателей. Сам автор говорил, что писал эту книгу 8 лет и что это – «важнейшая вещь» наряду с его самым большим по объему романом «Суер-Вьер». В интервью Юрий Коваль так рассказывал о своей повести: «Конечно же, все это правда. Конечно же, я знаю, где Багровое озеро. И лодка эта есть, лежит она у меня на чердаке в моей избушке на Цыпиной горе». Главный герой этой книги исполняет свою мечту – строит из бамбука самую легкую лодку в мире и отправляется на ней в фантастическое плавание по рекам и озерам России. Присоединяйтесь и вы к этому атмосферному плаванию. Книга впервые выходит с новыми талантливыми иллюстрациями Дмитрия Трубина. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-153650-3

© Коваль Ю. И., 1984
© Издательство АСТ, 1984

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	22
Глава VI	24
Глава VII	27
Глава VIII	29
Глава IX	31
Глава X	33
Глава XI	36
Глава XII	38
Глава XIII	40
Глава XIV	43
Глава XV	46
Глава XVI	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юрий Иосифович Коваль

Самая лёгкая лодка в мире

Художник Дмитрий Трубин

© Коваль Ю. И., текст, насл., 2023

© Трубин Д. А., илл., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая

Глава I Морской волк

С детства я мечтал иметь тельняшку и зуб золотой.

Хотелось идти по улице, открывать иногда рот, чтоб зуб блеснул, чтоб прохожие видели, что на мне тельняшка, и думали: «Это морской волк».

В соседнем дворе жил ударник Витя Котелок. Он не был ударником труда. Он был ударник-барабанщик. Он играл на барабанах в кинотеатре «Ударник». Все верхние зубы были у него золотые, а нижние – железные.

Витя умел «кинуть брэк».

Перед началом кино оркестр играл недолго, минут двадцать, и наши ребята мучительно ожидали, когда же Витя «кинет».

Но Витя нарочно долго «не кидал».

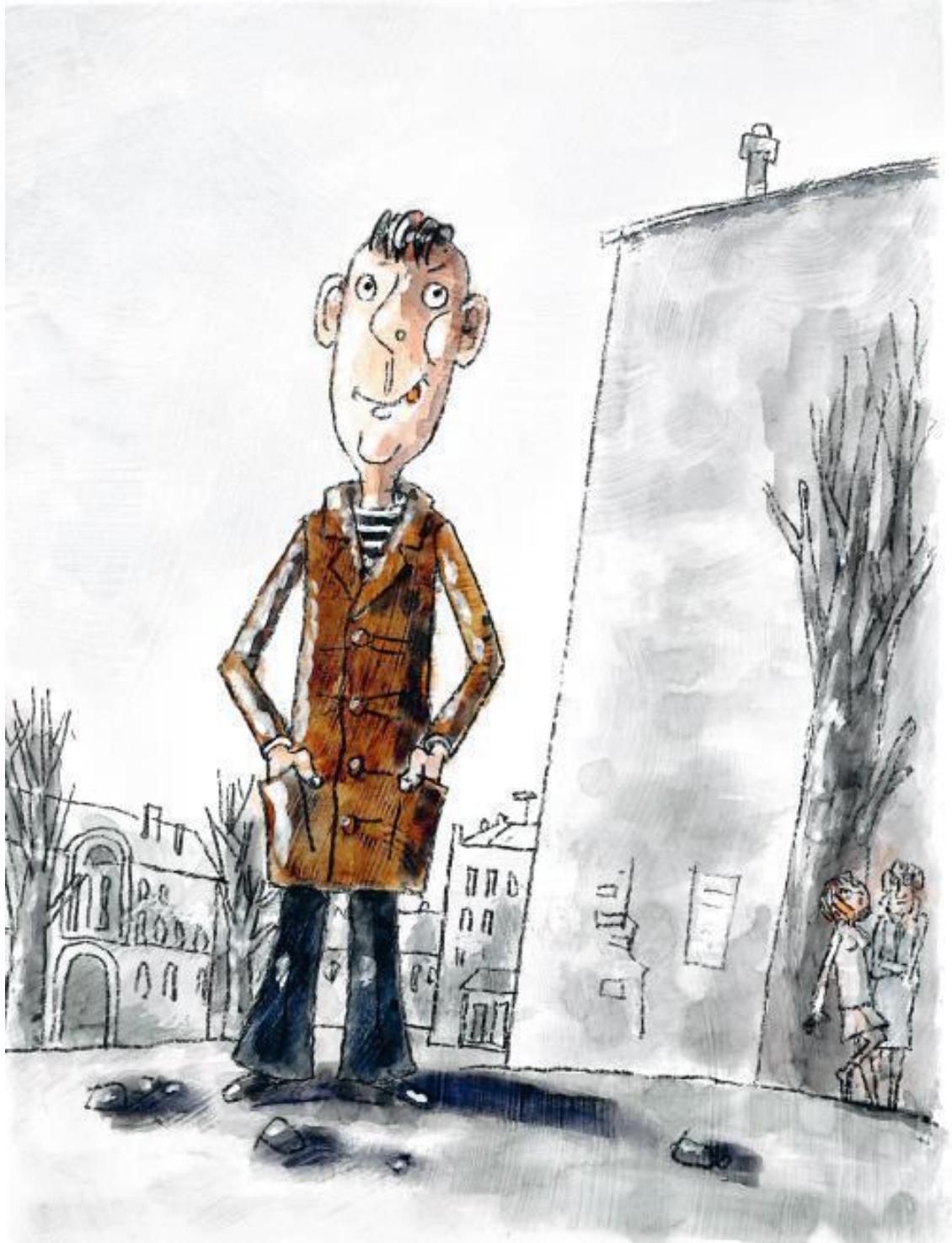
Наконец в какой-то момент, угадав своим барабанным сердцем особую паузу, он говорил громко:

– Кидаю!

Оркестр замирал, и в полной тишине начинал Витя тихохонько постукивать палочкой по металлическому ободу барабана и вдруг взрывался, взмахнувши локтями. Дробь и россыпь, рокоты и раскаты сотрясали кинотеатр.

Витя Котелок подарил мне шикарный медный зуб и отрезал от своей тельняшки треугольный кусок, который я пришил к майке так, чтоб он светил через вырез воротника.

Я расстегивал воротник и надевал зуб, как только выходил на улицу. Зуб был великоват.

Я придерживал его языком и больше помалкивал, но с блеском улыбался. По вечерам ребята выносили во двор аккордеон и пели:

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана...

Сумерки опускались на Москву и приносили с собой запах моря. Мне казалось, что в соседних переулках шумит прибой, и в бронзовых красках заката я видел вечное движение волн.

Распахнув пошире воротник, я бродил по Дровяному переулку, сиял зубом в подворотнях. Порывы ветра касались моего лица, я чувствовал запах водорослей и соли.

Море было всюду, но главное – оно было в небе, и ни дома, ни деревья не могли закрыть его простора и глубины.

В тот день, когда я пришел к майке треугольный кусок тельняшки, я раз и навсегда почувствовал себя морским волком.

Но, пожалуй, я был волком, который засиделся на берегу. Как волк, я должен был бороздить океаны, а вместо этого плавал по городу на трамвае, нырял в метро.

Мало приходилось мне мореходствовать. Как-то две недели проболтался в Финском заливе на посудине, которая называется «сетеподъемник», обошел Ладожское озеро на барже под названием «Луза».

Шли годы, и все меньше моря оставалось для меня в небе. Никаких водорослей, никакой соли не находил я ни в Дровяном переулке, ни в Зонточном.

– Выход к морю, – бормотал я про себя, гуляя по Яузе, – мне нужен выход к морю. Мне просто-напросто негде держать корабль. Вот Яуза – родная река, но попробуй тут держать корабль – невозможно. Мертвый гранит, отравленные воды.

Каждый год собирался я в далекое плаванье, но не мог найти подходящее судно. Покупать яхту было дороговато, строить плот – громоздко.

– Купи резиновую лодку, – советовал старый друг художник Орлов.

– Мне нужно судно, а не надувное корыто. К тому же хочется придумать что-то свое, необычное.

– Сделай корабль из пустых бутылок. В каждую бутылку сунь по записке на случай крушения – и плыви!

Целый вечер сидели мы у Орлова в мастерской, что находится как раз у Яузских ворот, и придумывали корабли и лодки из разных материалов – птичьих перьев, разбитых гитар и даже членских билетов спортивного общества «Белая лебедь».

– В Москве невозможно держать корабль, – сказал наконец Орлов. – Какой тут корабль? Стены, машины, троллейбусы. Тебе нужен выход к морю.

– Конечно! – крикнул я. – Выход к морю! Я задыхаюсь без выхода к морю и нигде не могу его найти. А Яуза – это не выход.

– Яуза – прекрасный выход. Построил бы корабль и поплыл прямо из мастерской. Но держать здесь корабль невозможно. Строй лодку – корабля тебе в жизни не видать.

И вдруг мне пришла в голову некоторая мысль.

Я вздрогнул, сжал зубы, но мысль все-таки легко выскочила наружу:

– Я построю лодку, но только самую легкую в мире.

– Самую легкую? В мире? А сколько она будет весить?

– Не знаю... Хочется поднимать ее одной левой.

– Без бамбука тут не обойтись, – сказал Орлов, задумчиво пошевеливая бородой и усами. – Бамбук – самый легкий материал.

– Куплю десятка два удочек.

– Удочки – это прутики. А нужны бревна.

Тот год в Москве была особенно морозная и снежная зима. Каждый вечер разыгрывалась в переулках метель, и казалось странным думать в такое время о бамбуке. Но я думал, расспрашивал знакомых. Мне советовали купить удочек, ехать в Сухуми, писать письмо в Японию. Некоторый наш знакомый, Петюшка Собаковский, подарил коготь бамбукового медведя.

Постепенно разошелся по свету слух, что есть в Москве человек, ищущий бамбук. Известные лица, большей частью с Птичьего рынка, звонили мне:

– Вам нужен бамбук? Приезжайте.

Я ездил по адресам – чаще в сторону Таганки, но всюду находил удочки или лыжные палки. Кресла, этажерки, веера.

Вместе со мной болел «бамбуковой болезнью» художник Орлов, который был вообще легковоспламеняем.

Коренастый и плотный, он никак не соответствовал своей гордой фамилии. Во всяком случае, ничто не напоминало в нем орла – ни нос, ни бледный глаз, разве только усы растопыривали порой свои крылья и сидели тогда на бороде как орел на горной вершине.

– На Сретенке живет милиционер Шура, – сообщил мне Орлов, – говорят, он видел бамбук.

– Какой милиционер?

– Не знаю, какой-то милиционер Шура, художник.

– Что за Шура? Художник или милиционер?

– Сам не пойму, – сказал Орлов, – Петюшка Собаковский сказал, что на Сретенке стоит на посту милиционер Шура. Он же и художник. И вот этот Шура в каком-то подвале видел вроде бы то, что нужно.

Несколько дней через нашего знакомого Петюшку мы договаривались с Шурой. Наконец Петюшка сообщил, что милиционер-Шура-художник будет ждать нас в половине двенадцатого ночи на углу Сухаревского переулка.

Глава II

Бамбук или граммофон?

К ночи разыгралась метель.

Поднявши воротники и поглубже нахлобучив шапки, мы с Орловым шли по Сретенке. На улице было снежно и пусто – мороз разогнал прохожих по домам. Иногда проезжали троллейбусы, совершенно замороженные изнутри.

На углу Сухаревского переулка стоял милиционер в служебных валенках.

– Не знаю, как с ним разговаривать, – шепнул я Орлову, – как с милиционером или как с художником?

Валенки шагнули к нам.

– Ищущие бамбук следуют за мной, – сказал милиционер в сретенское пространство, оборотился спиной и направил свои валенки в пере-улок. Он шагал быстро, рассекая метель, взрывая сугробы. Спотыкаясь и поскальзываясь, мы поспешили за ним.

«Ищущие бамбук следуют за мной», – повторял я про себя. В первой половине этой фразы чувствовался художник, а уж во второй – милиционер.

Скоро он свернул в низкорослую подворотню, открыл ключом дверь под лестницей, и мы оказались в какой-то фанерной каморке. На столе стояла электрическая плитка и неожиданный старинный граммофон. На стене висела картонка, на которой был нарисован тот же самый граммофон. Признаков близкого бамбука видно не было.

Толкаясь коленями, мы сели на тахту, а милиционер Шура, не снимая шапки, включил плитку, поставил на нее чайник.

– Это моя творческая мастерская, – строго сказал он.

– Мало метров, – живо откликнулся Орлов, и они завели длинный разговор о мастерских и долго не могли слезть с этой темы. Кубатура, подвальность, заниженность...

Потом милиционер-художник стал показывать свои этюды, а мы пили чай. Стакан за стаканом, этюд за этюдом. Время шло, бамбуком и не пахло.

Меж тем милиционер все больше превращался в художника. Он уже снял шапку и размахивал руками, как это делали, наверно, импрессионисты. Орлов похваливал этюды, а я маялся, вопрос «где бамбук?» крутился у меня в голове.

– Ты что молчишь? – сердито шепнул Орлов. – Хочешь бамбук – хвали этюды.

– Отличные этюды, – сказал я, – сочные – вот что ценно. А где же бамбук?

– А зачем вам бамбук? – спросил милиционер-художник, слегка превращаясь в милиционера. – Для каких целей вам нужен бамбук?

Вопрос был задан столь серьезно, будто в желании иметь бамбук заключалось что-то преступное. Шура как бы прикидывал, не собираемся ли мы при помощи бамбука нарушить общественный порядок.

Орлов объяснил, в чем дело, и не забыл похвалить этюды, напирая на их сочность. Милиционер-Шура-художник-любитель немного смягчился.

– Да бросьте вы, ребята, этот бамбук, – неожиданно сказал он, – хотите, я вам граммофон отдам?

– Граммофон? Но мы в связи с бамбуком...

– Берите граммофон. Пружину вставьте – будет играть. А бамбук – ладно. Потом как-нибудь и бамбук достанем.

Я растерянно поглядел на Орлова и увидел в глазах его жалобный и дружеский блеск. Ему явно хотелось иметь граммофон. Я перевел взгляд на милиционера и понял, что надо выбирать: или бамбук, или граммофон.

– Хороший граммофон, – пояснил Шура, превращаясь в художника. – Мне его одна бабка перед смертью подарила. Смотрите какая труба!

– Давай и граммофон, и бамбук, – не выдержал Орлов. Усы его распустили крылья, принакрыли гору бороды.

– Не много ли? – сказал Шура, и взгляд его двинулся в милицейскую сторону.

– Погодите! – сказал я. – Какой еще граммофон! Вы же обещали нам бамбук показать.

– Да на улицу выходить неохота, – признался милиционер-художник. – Надоела эта метель, совсем замерз на посту. А там еще в подвал лезть. Лучше бы посидели, о живописи поговорили... Ну ладно, раз обещал, покажу. А граммофон сам починять буду.

Глава III

Провал

За полночь метель разыгралась всерьез. Снежные плети хлестали по лицу, фонари в Сухаревском переулке скрипели и стучали, болтаясь под железными колпаками.

Я замерз, но веселился про себя, мне казалось смешно – ночью, в метель, идти по Москве за бамбуком. Орлов отставал. Его тормозил оставшийся граммофон.

– Я не уверен, что это бамбук, – говорил милиционер-художник. – Торчит из подвала что-то, какие-то деревянные трубы.

– Вот видишь, – сердито шептал Орлов. – Надо было брать граммофон.

Проходными заснеженными дворами подошли мы к трехэтажному дому. Окна его были темны, а стекла выбиты, и метель свободно залетала внутрь, кружилась там и выла, свивала снежные гнезда.

– Дом скоро снесут, – сказал Шура. – Жильцов давно выселили. Граммофон отсюда, с третьего этажа, а подвал вон там.

Сбоку к дому был пристроен коричневый сарай. Мы открыли дверь, заваленную снегом. Включив фонарь, Орлов шагнул вперед и остановился.

– Это не подвал, а провал, – ворчливо сказал он.

Пол сарая действительно провалился, а под полом оказалась глубокая яма, которую заполняла гора всевозможной рухляди. Из этой горы и торчало то, что привело нас сюда, – трубы, покрытые столетней пылью.

– Нужен крюк, – сказал Орлов. – Или загогулина. Дотянемся до трубы и вытащим ее наружу.

– Какой крюк? – нетерпеливо спросил я. – Где он? Держи меня за хлястик, а Шура пусть фонариком светит.

Орлов крепко ухватил меня за хлястик, я наклонился над провалом, протянул вперед руку. До трубы было довольно далеко, но рука моя все вытягивалась и вытягивалась, и я даже подивился таким свойствам человеческой руки. Когда до трубы оставалось сантиметра два, хлястик неминуемо лопнул, и я полетел в тартарары.

Ударившись коленями о груды щебня, я повалился на бок. Какие-то кроватные спинки, углы корыт, гнилые батареи центрального отопления окружали меня.

– Я говорил: надо загогулину, – сказал Орлов, ослепляя меня фонариком. – Посмотри, что это за круглая штука валяется.

Я поднял овальную жестянку, протер ее.

Из-под слоя пыли выглянули тисненные буквы.

– Кинь ее сюда, – сказал Орлов.

Под светом фонаря я забрался на груды щебня и дотронулся наконец до пыльной трубы. Определить на ощупь, бамбук это или нет, я не сумел, но труба оказалась легкая и неожиданно длинная. Я направил конец ее в пролом, и Орлов с милиционером вытащили трубу наружу.

Я остался в темноте и слышал только, как скрипит снег, свистит метель в пустом доме и как милиционер-художник подает какие-то совершенно небамбуковые команды – «заноси левее», «ложи ее под фонарь» и т. д.

Наконец свет фонарика снова ослепил меня, и я услышал голос:

– Ну, брат, граммофона нам не видать. Это бамбук!

И до сих пор я не могу поверить, что в ту метельную зиму нам удалось найти в Москве бамбук. Но вот глубокой ночью я стоял на дне про-пыленного подвала и подавал одно за другим наверх настоящие бамбуковые бревна. Я даже представить себе не мог, что бамбук бывает такой толстый, с удивлением ощупывал узловатые стволы и думал, что Москва действительно город чудес.

Орлов вытаскивал бревна на улицу, а милиционер-художник светил фонариком. Надо сказать, что в эти минуты он как-то стушевался и не смог сразу сообразить, как ему поступать в данной ситуации: как милиционеру или как художнику, поэтому и выступил в роли осветителя.

Когда мы вытащили пять бревен, милиционер-художник несколько раз помигал фонариком и неожиданно сказал:

– Хватит.

– Почему? Мало на лодку.

– На самую легкую в мире хватит.

В подвале лежало не меньше двадцати бревен, и мы с Орловым, не сговариваясь, собрались утащить все. Но милиционер Шура принял решение и мигал беспрестанно фонариком, подчеркивая свою твердость.

Под миганье мы уговорили Шуру дать нам еще одно, шестое бревно, по которому я и вылез наверх.

При свете уличного фонаря я рассмотрел наконец бамбук. Орлов воткнул бревна в сугроб. Толщиной с водосточную трубу, оранжевые и коричневые, блестели они, будто покрытые лаком.

– Увязывайте и пакуйте, – сказал Шура-милиционер, – а в субботу приходите граммофон слушать.

Толкаясь локтями, мы жали Шуру руку, обещали принести пластинки к его граммофону. Орлов даже обнял милиционера и сказал:

– Становись-ка ты, Шура, художником.

Мне захотелось поспорить с Орловым. Я обнял Шуру с другой стороны:

– Не слушай его, будь милиционером.

– Я и сам не знаю, как тут быть, – признавался милиционер-художник, притопывая валенками. – Душа разрывается. И то и другое – дело нужное.

– Надо избрать что-то одно, – сказал Орлов. – И дуть в эту дудку. А то душа разорвется.

– У меня душа крепкая, – объяснял Шура. – Ее так просто не разорвать.

– Дуй в две дудки, – уговаривал его я. – Это душу укрепляет.

Так обнимались мы под метелью, и, когда обнялись окончательно и Шура скрылся за углом, Орлов вытащил из-за пазухи овальную жестянку.

Красная краска на ней местами облупилась, проржавела, но хорошо видна была парусная лодка и надпись белым по красному:

ЧАЙ

Т-ВО ЧАЙНАЯ ТОРГОВЛЯ

В. ВЫСОЦКИЙ И К^о

МОСКВА

Глава IV

Ночное плавание

Перед нами была старинная вывеска. Но как попала она в подвал? И как попал сюда бамбук?

– Ты знаешь, чего я думаю, – сказал Орлов, – я думаю, что в этих бревнах раньше перевозили чай. Насыпали внутрь сухого чаю и перевозили вот на таких лодках, которые называли «чайный клипер».

Более нелепого предположения предположить было невозможно. Художник Орлов пытался одним махом объединить чай, бамбук и лодку на вывеске прямой линией. Он пошел кратчайшим путем к истине и промахнулся.

Орлов просто-напросто устал. Его оглушила потеря граммофона. Ведь он мог запросто унести сейчас под мышкой граммофон, а вместо этого возился с моим бамбуком.

Была уже глубокая ночь. Снег валил со всех сторон.

Мы замерзли и долго связывали бамбук веревкой, связали, взвалили на плечи. Связка получилась громоздкой, руки соскальзывали с гладких лакированных бревен.

Переулками мы вышли на Сретенку. Снежные волны выкатывались вслед за нами из темных подворотен, схлестываясь под фонарями, и улетали кверху – гроыхать на крышах, выть на чердаках.

– Воеет, как граммофон, – недовольно ворчал Орлов, который шел впереди.

– Право руля! – кричал ему я.

Метель то подталкивала нас в спину, то налетала сбоку и разворачивала поперек улицы. Мы неловко маневрировали, напоминая баржу. Это было первое плавание самой легкой лодки в мире.

– Левая, загребай! Правая, табань! – покрикивал я и вдруг услышал сзади:

– Стоп машина!

В первую минуту я подумал, что это нас догнал зачем-то милиционер-художник. Но ошибся. Нас догонял не художник, но – милиционер.

– Суши весла! – крикнул я, и мы повалили связку на снег.

Милиционер-нехудожник оглядывал и нас, и бамбук с крайним подозрением. Из-под его погон сыпалась снежная труха. В свете уличного фонаря кокарда на его шапке, до блеска начищенная метелью, сверкала как утренняя звезда. Милиционер молчал.

Орлов постучал ботинком по бамбуку, потопал ногами, попрыгал.

– Метель-то какая, а? – сказал он милиционеру.

Милиционер не захотел вступать в пустой разговор. Не выпуская нас из поля зрения, обошел он бамбуковую связку, посветил фонариком в черные жерла бревен.

- Попрошу документы.
- Документов нет.
- Попрошу накладные на стройматериалы.
- Ничего такого у нас нет.
- А где вы это... гм... взяли?
- Это бамбук, – чистосердечно ответил Орлов. – Нам его милиционер-художник подарил.

На мой взгляд, ничего глупее этой фразы придумать было невозможно. Фраза озадачила милиционера, несколько секунд переваривал он ее и сказал неожиданно:

– Это Шурка, что ли?

– Шура. Который на Сретенке стоит.

– Да откуда же у Шурки бамбук? Где ваши накладные?

– Накладные остались у Александра, – вставил я. – Необходимы дополнительные печати.

– Какие еще печати? Откуда бамбук?

– Он лежал в Сухаревском переулке, – принялся объяснять Орлов. – У милиционера-художника в подвале. Мы там и вывеску нашли.

Он достал из-за пазухи вывеску «Высоцкий и К^О», которая делу особо не помогла.

– Пройдемте до отделения, – сказал милиционер.

– Да что вы! Пойдемте лучше ко мне в мастерскую, – приглашал Орлов. – Заварим чаю, разберемся.

– Уж если разбираться, так в отделении.

– У нас чай со слоном. А можем чаю-медведя сделать. Согреетесь.

– Уж поверьте нам, – уговаривал я. – Не крали мы этот бамбук. Пойдемте, посмотрите, где мы живем, и если надо, арестуйте.

Некоторое время уламывали мы милиционера, и наконец он согласился, помог взвалить бамбук на плечи. Мы снова двинулись вперед, а милиционер-нехудожник важно шагал сбоку. Его присутствие сделало наше плавание более торжественным и величавым. Мне было приятно, что в первом плавании самой легкой лодки в мире участвуют сопровождающие корабли.

– Вы знаете, – сказал я милиционеру, – вы участвуете в первом плавании самой легкой лодки в мире.

– Как это так?

– Из этого бамбука мы построим самую легкую лодку планеты.

– На легкой-то далеко ли уплывешь? Да и зачем она вам? Рекорды, что ль, бить?

– Да надо бы их побить, – веселился я. – Чего глядеть-то на них?

– Делайте плоскодонку. У нас в Мещёре все на плоскодонках плавают. Из осины долбят.

Пока мы шли к мастерской, милиционер-нехудожник вспоминал, как делают лодки у них в Мещёре, как выбирают осину, как долбят, как парят, как разводят ее.

Когда мы пришли в мастерскую, заварили чай и уселись за стол, милиционер сказал:

– Накладные – бог с ними. Но где же все-таки хоть какие-то документы?

Никаких документов Орлов найти не сумел. Нашел квитанцию за уплату электроэнергии, показал милиционеру, фамилия которого оказалась Оськин.

– Хорошо, что вы платите за энергию, – говорил Оськин. – И чай хорош, и вправду коричневый, как медведь. Но все-таки другой раз ночью бамбук не таскайте. Увижу – заберу.

Оськин-милиционер немного отогрелся, снял форменную шапку, расстегнул шинель.

– Я бы вас сразу в отделение повел, – признавался он. – Да там места мало – бамбук некуда девать. Поэтому я с вами и пошел, но, если б вы, ребята, вздумали бежать, пришлось бы мне кое-что применить.

Раз пять заваривали мы чай-крепач. За окнами выла метель, а мы сидели красные, распаренные, ели столовыми ложками варенье из банки.

– Хорошо, что вы не побежали, – продолжал Оськин. – Это молодцы. Тут один недавно вздумал убежать...

Мы сидели на кухне под абажуром, сделанным из разноцветных стеклянных палочек. Напротив Оськина на столе висели пять старых медных чайников, связанных вместе. Здесь же стояла скульптурная группа «Люди в шляпах», над которой Орлов работал последние четыре года.

– Что это они все в шляпах? – спросил Оськин. – Сделал бы хоть одного в кепке.

– Такие люди кепок не носят, – возражал Орлов. – Это люди серьезные. Вот вы, например, какой носите головной убор, когда снимаете форму?

Оськин хмыкнул, зацепил из банки варенья.

– Тюбетейку, – сказал он.

Шесть бамбуковых бревен лежали на полу. В кухне они не уместились, и концы их вылезали в коридор. Снег, облепивший бревна, растаял – на золотистых боках сверкали янтарные капли.

– Одного не пойму, – говорил Оськин. – Как бамбук попал в подвал?

– Чай и бамбук – одного поля ягоды, – отвечал Орлов, помахивая вывеской «Высоцкий и К^О». – Поверьте мне, где чай, там и бамбук.

– Видимо, в этом подвале были чайные склады купца Высоцкого, – рассуждал я. – Вместе с чаем он привез и бамбук. Хотел, наверно, построить бамбуковый домик, чтоб чай в нем пить.

– Бамбук применялся для упаковки, – спорил со мной Орлов. – Этими бревнами обшивали тюки с чаем. Они работали как спасательный пояс, чтоб чай не утонул, если корабль перевернется.

Так болтали мы о чае и бамбуке, и чай заваривался в чайнике, бамбук лежал на полу, и мне ясно было, что он занимает в мастерской слишком много места.

Глава V

Идея зарастает мохом

Мне хотелось начать строительство лодки немедленно.

Несколько дней бродил я вокруг бамбука, чистил бревна, гладил их, измерял.

В тельняшке, с топором и ножовкой в руках парил я над бамбуком, примеривался, прицеливался, мечтал. Но никогда в жизни я не строил никаких лодок и так просто тукнуть топором по бамбуку не решался.

Надо сказать, что тельняшка теперь у меня была цельная, далеко позади остался треугольный кусочек, я донашивал вторую свою тельняшку. А хорошая тельняшка, как известно, служит хозяину примерно десять лет.

Шли недели. Без движения лежал бамбук у Орлова в мастерской. Посетители спотыкались о него, восхищались таким толстым невиданным бамбуком. Орлов гордился, расхваливал бамбук и мою идею.

Прошел месяц, и настроение Орлова переменялось.

– Здесь не чайный склад купца Высоцкого, – шутил он. – Пора превратить бамбук в лодку.

За месяц Орлов совершенно излечился от «бамбуковой болезни». Он подхватил где-то «керосиновую болезнь» – стал собирать керосиновые лампы и в короткий срок набрал столько ламп, что их некуда было ставить. Бамбук же занимал много места и мешал лампам спокойно размножаться.

А я не знал, с чего начать, и, главное, не представлял себе, какой должна быть самая легкая лодка в мире. Я рисовал бамбуковые проекты, а ночами снились мне бамбуковые корабли.

– Тебе, наверно, мешает бамбук? – заискивая, спрашивал я Орлова.

Орлов молчал, только усы его недовольно помахивали крыльями.

– Ну, хочешь, я увезу бамбук домой?

Помалкивал Орлов, помалкивал.

– А что? Возьмем за пятерку самосвал и отвезем на квартиру.

– Для этого надо иметь квартиру, – отвечал наконец Орлов.

Квартиры у меня не было. Была комната, которую я снимал у опасного человека по имени Петрович. Этот Петрович запросто мог в сердцах растоптать бамбук, а то и продать соседу, возводящему голубятню.

Да, так получилось, что прежде чем иметь лодку, я должен был заиметь квартиру, в которой мог бы хранить строительный материал. Меня всегда поражало, как в жизни всё связано между собой:

лодка —

бамбук —

милиционер-художник —

керосиновые лампы —

Петрович —

квартира.

Казалось бы, нет в этом никакой связи, а в голове моей все переплелось, запуталось морским узлом.

– Это узел судьбы, – пояснял Орлов. – Брось ты самую легкую лодку в мире. Давай распилим бревна и поделаем из них кувшинов. В таких кувшинах можно держать керосин, олифу, а если надо, сыпучие тела.

Замыслы Орлова пугали меня. Особенно раздражали сыпучие тела. В жидкостях все-таки оставалось что-то от идеи мореплавания.

Я занялся поисками квартиры, покидая бамбук на несколько дней, а то и на неделю. Постепенно новая будущая квартира вытеснила из головы самую легкую лодку в мире.

Случайно наткнулся я на фотографию в журнале «Рыбоводство». На ней изображена была лодка, очень легкая на вид. В лодке сидел человек с подлещиком в руке. Под фотографией была подпись:

«Известный писатель-путешественник любит порыбачить и поразводить рыбу в свободное от литературы время. Хорошо отдыхать на водоемах Подмосковья».

В справочном бюро узнал я телефон, позвонил и, путаясь, извиняясь, объяснил, в чем дело.

– Ладно, – сказал писатель-путешественник, – заходи завтра ко мне. Покажу лодку.

Глава VI

Писатель-путешественник

Я шел по улице, с некоторой гордостью поглядывая на прохожих. Они-то спешили кто в булочную, кто в химчистку, а я – к писателю поговорить о лодках. Да, самая легкая лодка в мире, еще даже и не построенная, уже приводила меня в удивительные бухты и заливы.

В подъезде дома, где жил писатель-путешественник, меня остановила женщина, которую хотелось назвать теткой. Она сидела у лифта в полуразвалившемся кресле, из которого торчали хвосты мочалок, и читала роман Толстого «Война и мир».

– Куда? – спросила она.

– К писателю.

– Здесь все писатели.

– Как это?

– А так – полон дом. Ты к кому?

Я ответил и, пораженный, не решился ехать на лифте. Целый дом писателей я встретить никак не ожидал и даже представить себе не мог, что такие дома на свете существуют. Поднимаясь с этажа на этаж, разглядывал я двери, обтянутые кожей, по которым созвездиями разбросаны были золотые кнопки. Из-за дверей раздавался собачий лай, звуки пианино, а иногда и стук пишущей машинки. Где-то посреди пути охватил меня вкуснейший дух баранины с чесноком, в котором и вправду чувствовалось что-то мощное, крепкое, писательское.

Добравшись до квартиры писателя-путешественника, я хотел было позвонить, как вдруг увидел табличку:

ЗВОНИТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

ЗА НАРУШЕНИЕ – СМЕРТНАЯ КАЗНЬ!

Я потоптался у двери, не зная, что делать. На всякий случай звонить не стал, а легонько поскребся в дверь. За дверью в общем-то было тихо, только кто-то поскреб ее с той стороны. Я постоял и снова слегка поскребся. С той стороны поскреблись в ответ.

Вдруг дверь распахнулась, и я оказался лицом к лицу с огромной собакой без хвоста. Она глядела на меня тяжелым изучающим взглядом.

– Чанг, кто там? – послышался голос. – Если Гусаков, загрызи его, а если тот тип, что звонил насчет лодки, пускай войдет.

Чанг посмотрел мне в глаза, сообразил, что я не Гусаков, и вильнул обрубок хвоста в сторону комнаты.

Я вошел и увидел писателя-путешественника. Он сидел на полу, на медвежьей шкуре, и курил кривую трубку. По левую руку от него на шкуре россомахи стоял радиоприемник «Телефункен». По правую, на шкуре волка, – красный телефон.

Прямо под потолком висела настоящая длинная лодка, по виду напоминающая эскимосский каяк. Я видел ее боевое дно, исцарапанное, покрытое шрамами и облепленное старой засохшей рыбьей чешуей.

Я поздоровался и спросил:

– А как Чанг отличил меня от Гусакова?

– По запаху, – серьёзно ответил писатель и негромко приказал: – Чанг, принеси гостю чего-нибудь помягче.

Громко топая, бесхвостый Чанг сходил на кухню и принес шкуру рыси. Я расстелил ее и уселся.

– У меня есть еще шкура австралийского ежа. Я стелю ее, когда приходит Гусаков.

– Как же Чанг его до сих пор не загрыз?

– Это не так просто. Чанг грызет его второй год, а тот – как новенький.

Чанг виновато опустил голову, дескать, что ж тут поделаешь, бывают такие, несгрызаемые гости.

– Ваша лодка похожа на каяк, – сказал я, чувствуя, что тему Гусакова лучше не развивать.

– Это смесь байдарки с каяком. Я прошел на ней восемнадцать рек Западной Сибири...

А ты случайно не знаком с Гусаковым?

– И в глаза его не видел.

– А может, все-таки знаком? Только не хочешь сказать, а? Ты не подосланный?

– Не знаком и не хочу знакомиться, – твердо ответил я. – Я на лодку пришел поглядеть.

Интересно, сколько она весит?

– Двадцать пять.

– Тяжеловата. Мне нужно на двадцать килограммов легче.

– Купи детское корыто.

– Погодите, – принялся объяснять я. – У меня есть бамбук. Из него можно сделать лодочку полегче.

– А зачем тебе легкая? Лодка должна быть основательной. Как дом. Но можно, конечно, сделать легкую, заманить в нее Гусакова – и пускай переворачивается, а?

– Для Гусакова можно купить резиновую и дырку проделать.

– В резиновую Гусаков не полезет. Вот в бамбуковую, да еще самую легкую в мире, его легко заманить. Он потом на всю Москву будет кричать: я – самый великий человек в мире, плавал на самой легкой лодке в мире! Я уж знаю Гусакова.

– А кто вашу лодку построил? – спросил я. – Может, вы дадите мне адрес Мастера?

– Адреса не дам, – сказал писатель-путешественник. – Но в следующее воскресенье я сам поеду к Мастеру в Каширу. Бери бамбук – поедem вместе. Чанг, ты поставил чайник?

Глава VII

Отрезанная голова Орлова

В следующее воскресенье мы с Орловым взвалили на плечи бамбук и притащили его на вокзал.

Писатель-путешественник ожидал нас у пригородных касс. Размеры бамбука удивили путешественника, но еще больше удивил его Орлов. Как видно, писатель ожидал только меня с бамбуком, и Орлов не входил в его расчеты.

Кое-как мы занесли бамбук в электричку, уложили в проходе между сиденьями. Пассажиры спотыкались и ругались на нас так, будто мы везли еловые дрова.

– Вы очень похожи на одного моего знакомого, – сказал писатель Орлову, когда поезд тронулся.

– Не может быть, – ответил Орлов, который всегда был уверен, что не похож ни на кого на свете.

– Если сбрить вам бороду, будет вылитый товарищ Гусаков.

– Зачем же мне бороду сбривать?

– Это мы сбриваем мысленно, чтоб на Гусакова быть похожим.

– Да не хочу я быть похожим!

– Вот это правильно. И я бы не советовал походить на Гусакова, потому что он неприятный человек. А все-таки вы похожи. Вы не родственники?

Орлов объяснил, что они не родственники, и отключился от вагонной жизни, уставившись в окно. Он явно обиделся на сходство с Гусаковым. Писатель-путешественник тоже замолчал, потому что сходство было очевидным.

Я чувствовал себя виноватым и перед тем, и перед другим, пытался поддержать разговор, но ничего не выходило. Я был зажат в молчание тиски. С одной стороны давила на меня старая дружба, с другой – новое знакомство.

«Ладно, – думал я, – главное – довезти бамбук до Каширы и лодку построить».

Неожиданно беседу оживил человек в золотых очках, который сидел напротив и все это время шуршал газетой.

– И зачем молодые люди носят бороду! – сказал он. – Ну, зачем? Не пойму.

Это был камешек в огород Орлова.

Орлов не обратил на камешек внимания и упорно глядел в окно на дачные участки, сады и огороды.

– Ну, в старое время люди мало читали – вот они и носили бороду. А сейчас-то зачем борода? Я бы всех бородатых взял бы и насильно им бороду сбрил, чтоб на людей были похожи.

Я никак не мог понять, отчего эти золотые очки так уж привязались к Орлову. Борода не была самым главным в его облике, и хоть напоминала порой обрезанную снизу горную вершину, орел усов выглядел поважнее. Орлова я бы и не назвал бородатым. Скорей уж – бородато-усатым. А еще точнее – брадоусым.

– Сбрить бороду – это мало, – ответил наконец Орлов. – Я бы всем, кто носит бороду, голову отрезал.

– Это уж потом, если бороду не сбреют.

Орлов пошарил в кармане, достал оттуда кривой садовый нож и протянул человеку в золотых очках.

– Режьте, – сказал он.

– Что такое?

– Голову мне режьте.

На соседних лавках люди забеспокоились, стали прислушиваться к разговору. Кто тянул по-гусиному шею, кто протискивался через проход к нам поближе, а кто, наоборот, по-дальше.

– Вы хотели насильно сбрить мне бороду, – напирал Орлов, – а потом отрезать голову – режьте!

– Режьте, режьте, – поддержал писатель-путешественник. – Хотели резать – режьте. Чего тянуть?

– Ничего я не хотел. Я хотел только бороду сбрить.

– Ничего подобного, – сказал и я, обращаясь к пассажирам. – Он хотел отрезать голову моему другу. Это все слышали!

– Не хотел я резать! – отбивался человек в золотых очках, привставая и отталкивая нож.

– Граждане! – громко сказал вдруг писатель-путешественник. – Среди нас опасный пассажир. Он хотел отрезать голову, а потом сбрить с нее бороду!

– Вот вам моя голова! – наседавал Орлов. – Что ж вы не режете?

Да кто же это сказал, что Орлов не похож на орла?! Вон как блистают гордые бледные глаза, летают усы, а под ними нож кривой горит в когтистых руках. Да орел же! Настоящий орел!

И писатель-путешественник смотрит на Орлова с уважением. Какой тут товарищ Гусак? Орел!

Все больше народу собиралось вокруг нас. Человек в золотых очках не выдержал, стал сдергивать с крючка свою сумку.

– Только брить хотел, только брить! – объяснял он, пробираясь к выходу из вагона.

Глава VIII

Время компота

Мастер жил на окраине Каширы, и вокруг его дома росли старые яблони. С веток их свешивались сверкающие сосульки, меж которыми летали синицы и воробьи.

Я думал, что увижу человека преклонных лет, но Мастер был вполне молод, с добрым и внимательным, но очень белым, даже белоснежным, каким-то зимним лицом.

Он встретил нас на крыльце, расцеловался с писателем и спросил его:

– Как звать ваших великих друзей?

Писатель познакомил нас и объяснил коротко бамбуковую затею.

– О делах потом, – сказал Мастер. – Прошу вас и ваших великих друзей в дом, к столу. Прошу, прошу, прошу.

Несколько смущенные, мы с Орловым уложили бамбук под яблоню, смели веником снег с ботинок и вошли в дом.

За столом собралась уже вся семья Мастера – дедушки и тетушки, сестры с мужьями, племянники. Мастер представил нас как «великих друзей писателя-путешественника».

Мы краснели, кланялись, не зная, как подтвердить свое величие.

– Да, да! Это мои великие друзья! – поддакивал писатель-путешественник. – Один из них, правда, немного похож на Гусакова, но это сходство чисто внешнее. На самом деле он великий человек. Ему в поезде чуть голову не отрезали!

– Не может быть! – восклицали родственники.

А стол, за который усадили нас, был завален угощением: горы салата, застывшие озера холодца. Белоснежное лицо Мастера порхало над столом, мелькали добрые руки тетюшек, которые подкладывали писателю-путешественнику и его великим друзьям свеколки с чесноком, селедочки в шубе, картошечки в мундире.

Мастер произнес речь в честь своего великого друга писателя. Писатель-путешественник произнес речь в честь своего великого друга Мастера. Дядюшка Карп Поликарпыч произнес речь в честь великих друзей великого друга Мастера.

– Кстати, – пояснял писатель-путешественник. – Мои друзья задумали великое дело. Они решили построить самую легкую лодку в мире. И тут не обойтись без Мастера, который велик, как гора. Скажем – Казбек.

Тут все принялись обсуждать, какая гора больше, Казбек или Эльбрус, с гор спустились к морю, а на море и оказалась самая легкая лодка в мире. Тут родственники призадумались, какой должна быть самая легкая лодка, кинулись к окнам глядеть на бамбук.

– Бамбук-то легкий! – вскрикивал кое-кто из них. – А можжевельник полегче будет.

– А орех?

– Постойте, постойте, – успокаивал Мастер. – Сейчас не время бамбука и других материалов – время борща.

И он принялся разливать борщ таким половником, на котором впору было отправиться в плавание.

– Лодка не получится, – говорил Мастер чуть позже, – если мы не отведаем гуся.

Мы принялись за гуся, у которого оказалось столько ног, сколько людей сидело за столом, – двенадцать.

– А все-таки бамбук не такой уж и легкий, – сказал вдруг дядюшка Карп Поликарпыч.

– Я раньше никогда не работал бамбук, – заметил Мастер, недовольно двинув бровями. – И ты бы, Карп Поликарпыч, лучше бы думал о гусе.

– А я думаю не только о гусе, но и о бамбуке, – ответил Карп Поликарпыч.

Подняв брови повыше, Мастер внимательно оглядел Карп Поликарпыча. В глазах его выражалось сильное сомнение в том, что в голове у дядюшки могут уместиться две такие важные мысли.

Дядюшка глаз своих не отвел, а гусиную ногу стал грызть более напряженно, как бы намекая: вот видишь – ем гуся, а думаю о бамбуке.

Отложив недоеденную гусиную ногу, Мастер встал и вышел из-за стола в кабинет.

В комнате создалась неловкость. Многие родственники глядели на Карп Поликарпыча с большим осуждением. Кто-то из тетюшек сильно толкнул его в бок. Карп Поликарпыч, не теряя достоинства, упорно ел ногу, делая глазами вид, что по-прежнему думает о бамбуке.

Меж тем Мастер вернулся из кабинета, держа в руках скальпель, пинцет и увеличительное стекло. Не садясь вновь за стол, он прошел к выходу, и кто-то из племянников накинул ему на плечи полушубок.

В окно мы видели, как Мастер трогает пинцетом бамбук, скоблит его скальпелем и разглядывает в увеличительное стекло.

Вернувшись в дом, он молча уселся за стол и принялся доедать гусиное блюдо. Все напряженно молчали, ожидая, что скажет Мастер.

Откашлявшись, Мастер сказал:

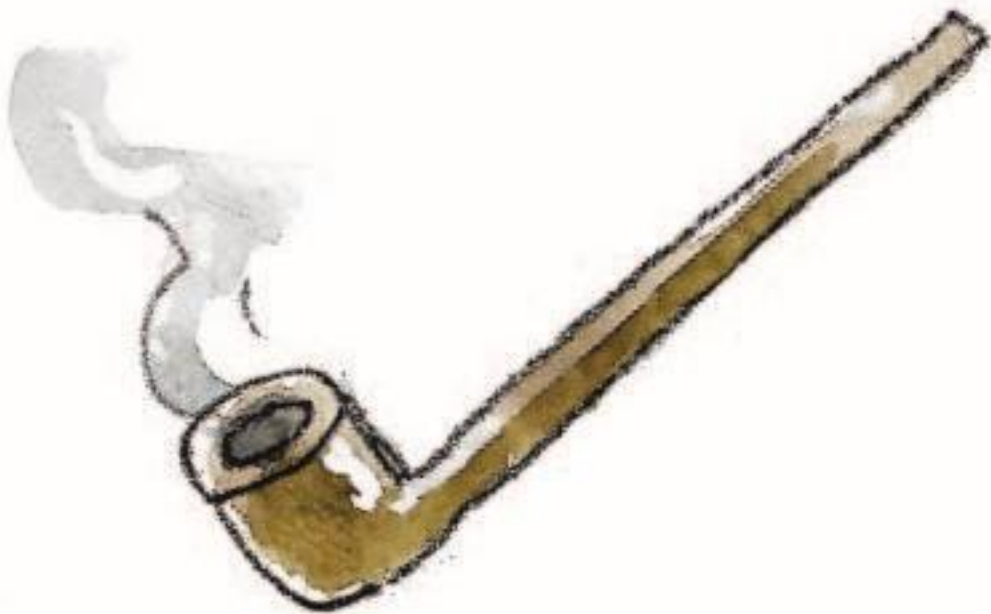
– Время компота.

И только когда прикатали бочку компота, когда всякому были выданы и груша сморщенная, и черносливина, и яблочко, и виноград, и мирабель, Мастер ободряюще поглядел на меня:

– Приезжайте через месяц. Не знаю, будет ли это самая легкая лодка в мире, но самую легкую в Кашире я сделаю.

Глава IX

Самая легкая лодка в кашире

Ровно через месяц я снова поехал в Каширу. Теперь я ехал один. Самую легкую лодку я должен был легко – одной левой – принести домой.

Уже был март. Сосульки на яблонях в саду у Мастера доросли до земли, белоснежное доброе лицо его к весне поглубело.

– О делах потом, потом, – встретил меня Мастер. – Вначале – к столу. Все уже в сборе. Ну, как поживают наши великие друзья?

Родственники, собравшиеся за столом, встретили меня как родного, а с дядюшкой Карп Поликарпычем мы даже расцеловались.

– Ну как лодка? – нетерпеливо расспрашивал я. – Где она?

Оказалось, лодку никто не видал. Мастер до поры до времени скрывал ее где-то, возможно, в сарае.

Снова начались салаты и кулебяки, речи в честь отсутствующих великих друзей, занятых великими делами, потом наступило время борща, время гуся, время компота. За столом говорили о чем угодно, только не о лодке. Как только кто-нибудь заикался насчет лодки, Мастер смыкал брови и недовольно кашлял.

К концу обеда нетерпение присутствующих достигло предела. Компот все уже пили кое-как, и я глотал груши целиком. Только Мастер не торопился, просил добавки, внимательно изучал черносливину, прежде чем отправить ее в рот. Наконец он встал, скромно потянулся и сказал:

– Теперь бы соснуть часочек.

Но тут все возмущенно зафыркали, не решаясь, впрочем, голосом выказать недовольствие.

– А что, – говорил Мастер, похлопывая меня по плечу. – Устраивайтесь на диване. После обеда полезно передохнуть.

– Да ты что! – сказал Карп Поликарпыч. – Построил лодку или нет?

– Какую лодку? – как бы удивился Мастер.

– Самую легкую в мире.

– Ах, ты про это! Вон оно что. Да ты что ж, Карп Поликарпыч, разве не видел ее?

– Не только я. Никто ее не видел. Пойдем в сарай.

– Зачем в сарай? В сарай идти незачем. Уберите стол, поставьте стулья вдоль стен, а посреди комнаты надо постелить ковер. Тот, новый, который на шкафу в прихожей.

Родственники начали суетиться, а мы с Мастером, обняв друг друга за плечи, прошли в кабинет. Мастер усадил меня в кресло, предложил выкурить трубку «Капитанского» табаку.

– Все готово! – крикнул из-за двери Карп Поликарпыч.

– Уж больно вы торопитесь, – недовольно поморщился Мастер. – Расстелили ли ковер?

– Расстелили, все готово.

Мы вернулись в гостиную. Посреди комнаты был расстелен ковер «Богатырь», а родственники чинно сидели вдоль стен. Для меня чуть вперед было выставлено кресло.

– Ковер попрошу зря не топтать, – сказал Мастер и вышел из комнаты. Долго он пропадал в глубинах дома и наконец вернулся. В руках у него, к нашему изумлению, ничего не было. Зато сам Мастер был в новом темно-синем костюме, белейшей рубашке и при галстуке.

Он вышел на середину комнаты, слегка поклонился и сказал:

– Друзья! Лабораторный анализ показал, что бамбуку, который я должен был работать, не менее ста лет. Он долго ждал прикосновения человеческой руки, так подождите и вы несколько секунд, и я покажу вам лодку.

И мастер снова вышел из комнаты.

Глава X

Бейте и топчите!

Скоро он вернулся, держа в руках с десяток тонких реек, которые хотелось назвать палочками. Мастер показал эти палочки зрителям и принялся раскладывать их на ковре.

Совершенно потрясенный, смотрел я на палочки в руках Мастера. Мои бревна, мои чудесные толстые, массивные, не виданные никем в Москве бревна превратились в бамбуковую щепу. И родственники глядели на Мастера недоверчиво. Они тоже, видно, никак не ожидали, что Мастер так искрошит бамбуковые бревна.

Разложив бамбуковинки в некотором порядке, Мастер вышел и принес еще с десяток точно таких же палочек. Среди них имелась и штуковина, которая напоминала лесенку. Уложивши лесенку среди палочек, Мастер успокаивающе помахал нам рукой и снова вышел.

Эти бесконечные его уходы и приходы совершенно измучили нас. Родственники смущенно пожимали плечами и боялись смотреть мне в глаза. Палочки и лесенка были такие тонкие, что всем ясно было – ничего, кроме детской игрушки, составить из них невозможно.

На этот раз Мастер принес брезентовый мешок и шесть полумесяцев из светлого металла. Наклонившись, он быстро соединил все бамбучины так, что получились длинные прутья, концы которых он пристегнул друг к другу. Что-то вроде длинного бамбукового огурца лежало теперь на ковре. Все это выглядело жидко, но, когда я увидел эту бамбуковую корзину, сердце мое стукнуло от волнения в первый раз.

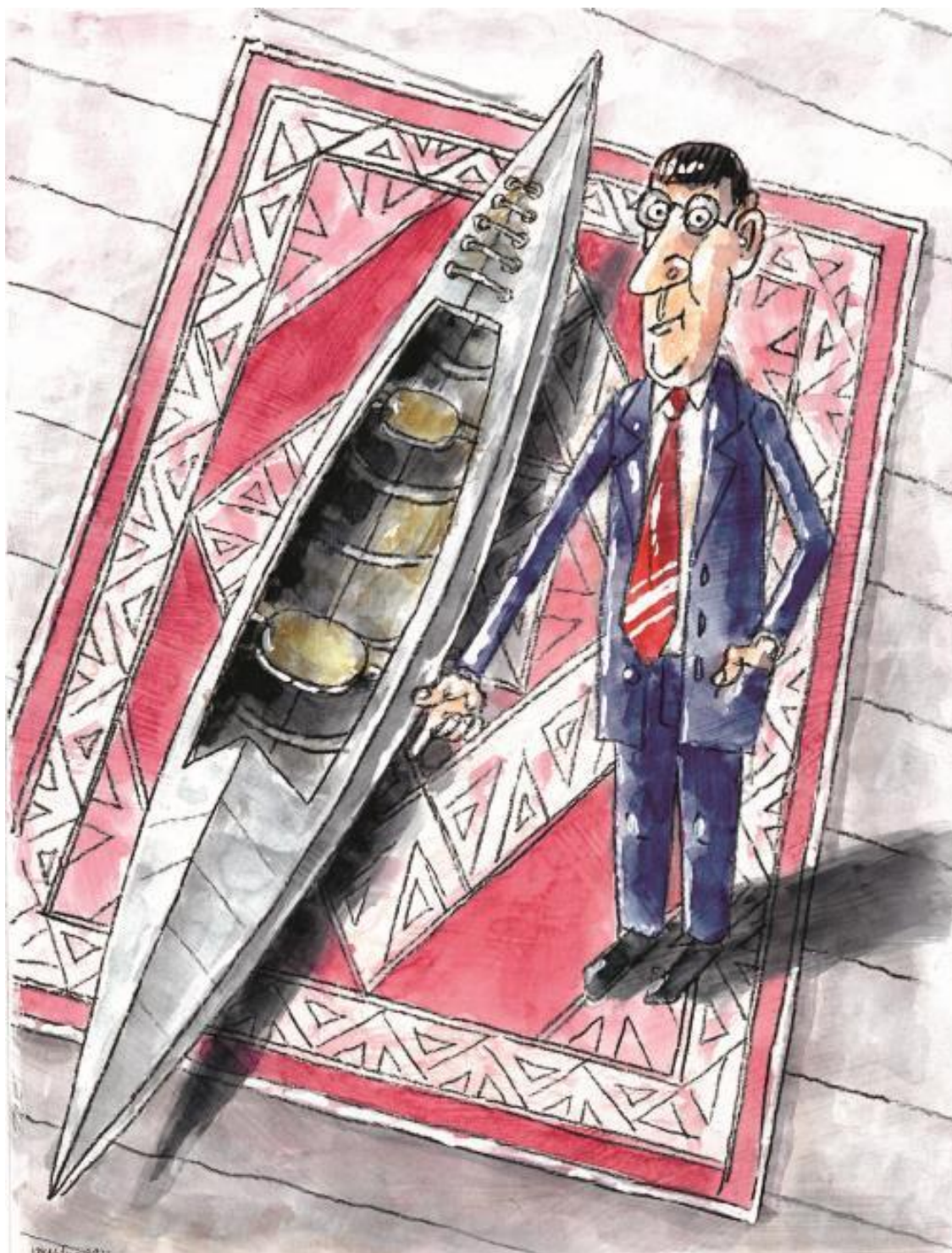
«Неужели что-нибудь получится? – думал я. – А вдруг и вправду сейчас появится лодка?»

Теперь я понял, почему Мастер надел новый костюм, и страстно захотел, чтоб фокус его удался. Что ж, разве зря мы с Орловым лазили в подвал? Неужели разрушится здание, фундамент которого стоит на тельняшке и зубе золотом, стены подперты милиционером-художником, а из окошек выглядывает чуть было не отрезанная голова Орлова!

– Сочленяем! – сказал Мастер и, привстав на колено, начал «сочленять» бамбук и полумесяцы.

Полумесяцы всовывались в корзину-огурец, распирали ее изнутри, изгибались так, что казалось, вся конструкция вот-вот лопнет. Каждый бамбуковый прут натягивался как тетива, а по форме напоминал лук. И когда последний полумесяц замкнулся, я увидел длинную и узкую птичью клетку, лежащую на ковре.

– Каркас составлен, – сказал Мастер.

«Да ведь это каркас, – думал я, – а вовсе не птичья клетка. И разве клетка может быть похожа на скелет стремительного морского существа? Нерпа? Нет, нерпа коротка, угловата, а здесь легкость, полет».

В каркасе лодки видна была скорость, как в стреле, которая еще не выпущена на волю.

– Бью! – воскликнул вдруг Мастер и слегка ударил каркас ногой. Весь скелет чуть отъехал в сторону.

– Бью сильнее! – сказал Мастер, ударил, и будущая лодка отпрыгнула к стене.

– Топчу! – воскликнул Мастер и топнул, наступил ногой на бамбуковые ребра. Они прогнулись под ударом, напряглись как пружины и отбросили Мастера так, что он еле устоял на ногах.

– Бейте и топчите!

Смертельно побледнев, Мастер отошел к стене и встал, сложив руки на груди.

Родственники зашептались, глаза их расширились.

Дядюшка Карп Поликарпыч поднялся, подошел к лодке, и в этот момент я проснулся. Я вдруг понял, что не желаю, чтоб с этого момента кто-нибудь прикасался к лодке, которая, только что родившись, обнаженная, лежала на ковре.

– Стойте! – сказал я. – Трогать лодку запрещаю! Мастер, продолжайте представление!

Родственники и Мастер, услышав мой грубый тон, вздрогнули. Они как-то не ожидали от меня такой безобразной выходки. Грубость застряла у них в горле. Прокашлявшись, они ее постепенно проглотили, понимая, что я хозяин лодки или самый близкий ее родственник.

Дядюшка Карп Поликарпыч отошел на место.

Мастер поморщился. Я подпортил его спектакль. Как видно, он рассчитывал, что лодку будут бить и топтать все присутствующие. Потеряв нить, он сразу не мог вспомнить, что делать дальше. Поглядев на мешок, принесенный Мастером, я понял, что в нем оболочка лодки, ее платье.

– Одевайте ее поскорее, – твердо предложил я.

Мне казалось, лодка слишком уж обнажена, мне было неловко за нее и немного стыдно.

Глаза Мастера стали печальны. Он только сейчас понял, что существо, которое лежит на ковре, уже ему не принадлежит.

Мастер вынул из мешка серебристую ткань, быстро и ловко натянул ее на каркас, отчего нос лодки приподнялся. На корме он стянул ткань, зашнуровал черною шнуровкой.

Я глядел на свою лодку – самую первую в жизни и самую легкую в мире, – и сердце мое плыло и качалось.

Тонкая,

изогнутая,

остроголовая

и длиннохвостая,

в серебристом платье,

она лежала поперек комнаты на помертвевшем ковре и, как стрелка компаса, рассекала комнату пополам, прорезала стены, чтоб вылететь из Каширы к берегу, к ветру, к воде...

Мастер заглянул мне в глаза и сказал вполголоса:

– Забирайте свою невесту.

Мы обнялись.

Потом я подошел к лодке и легко поднял ее одной левой рукой.

Глава XI

Невеста под кроватью

Поздней ночью добрался я до Москвы. Разобранная лодка покоилась теперь в двух брезентовых мешках, один из которых висел у меня на спине, другой – на груди.

На троллейбусе добрался я до Крестьянской заставы, где снимал комнату, и только лишь открыл дверь, как сразу наткнулся на своего хозяина Петровича.

– Что это у тебя в мешках? – спросил он.

– Ничего особенного, – махнул я рукой. Не хотелось рассказывать Петровичу про лодку. Он не слишком-то был достоин такого рассказа. Защитный цвет и необыкновенная форма мешков вызвали у Петровича сильнейшую тревогу. Он никак не мог сообразить, что же это такое находится в мешках, и туго двигал бровями.

– Парашют украл? – спросил наконец он.

Я промолчал и прошел в свою комнату. Петрович не поленился пойти за мной. Он внимательно наблюдал, как я снимаю мешки и засовываю их под кровать.

– Ты это брось, – сказал он. – За принос неизвестных предметов знаешь чего бывает? Телевизор-то смотришь? Вынь мешки и предъяви для опознания.

Петрович стоял рядом со шкафом и так был широк в плечах, так монументален, что казалось, это стоят рядом два брата-близнеца. Но если шкаф был просто гардеробом, то брат его – по виду старше, значительней – был явным владельцем жилищной площади, на которой брат-гардероб только временно находился.

– Принос мешков в ночное время, – говорил Петрович, – недавно по радио говорили и по телевизору показывали...

Речь свою шкаф-Петрович произносил с большим затруднением, делал паузы, чтоб я хорошенько понял смысл, и, подозревая, что смысл до меня не доходит, кратко пересказывал сказанное:

– Ночные переносы... владелец площади... в газетах пишется...

Я сидел на кровати и слушал Петровича. Я не возражал и не спорил, но мне было обидно и больно за бамбуковую мечту.

Так, отрывочно и грозно, Петрович мог говорить часами, и против этого было одно средство – три рубля.

Я отдал Петровичу трешку, и он ушел наконец в кухню, где немедленно принялся что-то готовить, зажигать газ, греметь посудой. Казалось, он немедленно, не заходя в магазин, превратил трешку в продукты. Но на самом деле продукты были давно заготовлены, и Петрович только вынул из холодильника колбасы и свинины ровно на три рубля, а то и на два пятьдесят, чтоб разбогатеть на полтинник.

Я погасил свет и лег. Хотелось поскорей отвлечься от колбасы и Петровича – подумать, помечтать о своей лодке.

Прикрыв глаза, я увидел ее лежащей на ковре у Мастера, мигнул – перенес на озеро. Серебристая по голубому, легко резала она волны, перелетала подводные камни, пробиралась узкими протоками через болотные травы – таволгу, камыши.

На кухне гремел кастрюлями Петрович, шипело и лопалось на сковородке сало, а лодка моя плыла к далеким островам, и казарки летели ей навстречу.

Вдруг стало стыдно, что я засунул лодку под кровать. Пожалуй, она должна была находиться на более почетном месте.

Я зажег свет и оглядел комнату. В старом продавленном кресле лодка не умещалась, а на шкафу, пыльном и паутинном, место было скорее позорным, чем почетным.

И особенно жалким и горьким показался мне пол, где, давно прогнившие, шевелились и прогибались доски, где из-под облупленной красной краски вылезала старая зеленая, из-под зеленой – древнейшая охра, и из-под охры – совсем нечеловеческая доисторическая чернота.

На стене, освещенная вялым электричеством, висела картина, на мольберте стояла другая.

Это были мои собственные картины, которые я написал года два назад, – «Самовар» и «Курильщица табаку». И хоть писаны они были не так давно, смотреть мне на них не хотелось.

Казалось бы, написаны они ярко и смело – активный цвет, мощные формы. Но ни цвета, ни активных форм не видел я в них, а только лишь падение мечты, крушение надежды.

По моим расчетам, эти самые картины должны были основать новое живописное течение – «шаризм». Как некогда великие французы потрясли мир «кубизмом», так и я у Петровича на Крестьянской заставе готовил живописную бомбу.

«Шаризм» – это было мое личное открытие, никто в мире не писал «шарами», только лишь я, один.

Поначалу, конечно, я старался избирать темы более или менее округ-лые – «Люди и арбузы», «Гитаризм под облаками». Но позднее насобачился писать шарами совершенно кубические формы. Так, уже в картине «Толстяк у телевизора» не было ни одной прямой линии, только шары и дуги.

К сожалению, выстрадавший мною «шаризм» себя не оправдал. Не было последователей и меценатов. А без меценатов и последователей «шаризм» не мог распространиться по белу свету.

Шаролюбивая кисть глохла в моих руках и к тому моменту, когда я притащил лодку к Петровичу, оглохла окончательно. Несколько шаристических картин подарил я друзьям, и у меня остались только шедевры – «Самовар» и «Курильщица табаку», с которыми я решил не расставаться до самой смерти.

Гнилой пол, не нужная никому живопись, чудовищный шкаф увенчивались подходящим потолком.

И потолок был невыносим – покрытый водорослями, желтыми медузами. Нет уж, пусть лодка не видит этого потолка, пусть лежит под кроватью, тем более что кровать – единственный, кроме «шаризма», предмет в комнате, принадлежащий мне, а значит, и ей. Эту кровать-раскладушку я купил, когда въезжал к Петровичу. Лодка, раскладушка и я были теперь одной семьей и должны были уж как-то поддерживать друг друга.

Я погасил свет и лег, решив назавтра вымыть пол под кроватью.

Петрович булькал и журчал на кухне, а мы трое забились в угол холодной чужой квартиры и старались заснуть, тесно прижавшись друг к другу.

«Мастер назвал лодку невестой, – вспомнил я. – Действительно, похожа – в серебряном платье, легкая, веселая».

Я заснул, и мне приснилась невеста, которая, свернувшись калачиком, дремала под кроватью.

Глава XII

Увядший букет

Держать лодку у Петровича я боялся. Он мог проверить, что лежит в мешках, вытащить бамбучину, чтоб чистить ею, скажем, водопровод.

Везти лодку к Орлову тоже не хотелось, я и так долго мучил его бамбуком. Но, с другой стороны, Орлов лодку не видал, а человек, который так долго терпел бамбук, имел право увидеть, что из него получилось.

И я повез лодку к Орлову.

Я был уверен, что она ему понравится, и уже в трамвае представлял себе, как будет подпрыгивать от счастья Орлов, как будет трясти мою руку, радуясь, что идея доведена до конца. Меня и самого переполняли восторг и счастье, я сиял, и мне хотелось, войдя в мастерскую, первым делом обнять старого друга.

– Что это у тебя в мешках? – спросил Орлов, открывая дверь.

– Сейчас увидишь! – с восхищением пообещал я. В моем обещании явно слышались тот праздник и сюрприз, которые скоро должны были охватить художника.

– На картошку не похоже. Неужели лодка? Сделал все-таки! Сколько же она весит?

– Сейчас взвесишь! – снова торжественно подмигнул я, отодвинул в сторону скульптурную группу «Люди в шляпах» и стал распаковывать мешки. Развязывая тесемки, я то и дело лукаво поглядывал на Орлова, приглашая его поволноваться в ожидании сюрприза.

Орлов, однако, смотрел на мешки с недоверием, а когда я вынул бамбуковые рейки, недоверие его усилилось.

– Все, что осталось от бамбука? – спросил он.

– погоди, погоди, не торопись, – сдерживал его я и внимательно, шаг за шагом, стал собирать лодку. Мастер подробно показал мне, как это делается, и все-таки я возился долго, пока составил скелет. Красота скелета особенного впечатления на Орлова не произвела.

– Хило, – сказал он. – Слабовато.

– Бью! – воскликнул тогда я и ударил каркас ногой. От удара вылетел серебряный полумесяц-шпангоут, который я непрочной закрепил. Поставив его на место, я продемонстрировал прочность и гибкость каркаса. Орлов смотрел одобрительно, но без признаков восторга.

– Да, вроде бы скелет красив и прочен, – мямлил он, – но видали мы скелеты и попрочней, и понарядней.

Я вытащил серебристую оболочку, натянул ее, надеясь, что это прорвет плотину. Орлов немного оживился, но восторгов слышно не было.

– Легкая лодочка, – сказал он, небрежно приподымая корму. – Не думаю, что самая легкая в мире. В Кашмире – возможно. А где-нибудь в Кашмире есть небось и полегче.

Я заставил его все-таки сесть в лодку, дал ему весло и сам устроился на корме. Раскачивая лодку, я придумывал будущее плавание, но Орлов шевелил веслом тускло, и спина его была каменной, неинтересной.

Когда я пришел в мастерскую, счастье и гордость распирали меня. Восторг торчал из меня, как букет из кувшина. Орлов повытаскивал из букета все цветы и бутоны, пообрывал лепестки.

– Слушай, – сказал я, – в чем дело? Тебе лодка не нравится?

– Да нет, почему? Нравится.

– А что ж ты молчишь?

– А что ты хочешь, чтоб я подпрыгивал от счастья?

– Мог бы и подпрыгнуть.

– Не хочется, – сказал Орлов и вылез из лодки. В голосе его не-ожиданно прозвучала обида. Но я его не обижал. Неужели он обижался на судьбу? Бамбук мы доставали вместе, в Каширу ездили вместе, а лодка получилась моя.

– Слушай, – сказал я. – Эта лодка ведь у нас на двоих. Давай будем два капитана.

– Ну нет, – ответил Орлов. – Это твоя лодка. Хотя я и сам не понимаю, почему она твоя. Бамбук мы доставали вместе, и делал ее не ты, а Мастер. Ты и топор-то держать в руках не умеешь. Так что особенно не хвастайся. А то раскричался: самая легкая в мире! Я построил!

Я слушал Орлова, и голова моя все ниже клонилась к полу. Уже не увядшим букетом и даже не пустым кувшином чувствовал себя я, а разбитой бутылкой, в которую временно ставили цветы.

Моя лодка лежала передо мной, и ничего моего не было в ней: бамбук – милиционера-художника, помощь – Орлова, талант – Мастера. Моими оставались только тельняшка и зуб золотой.

– Ладно, – сказал я. – Будь ты капитаном, а меня возьми матросом.

– Я капитан скульптурной группы «Люди в шляпах», – возразил Орлов. – Будь сам капитаном, а матросом бери кого хочешь.

Орлов отказывался от меня, посылал вместе с лодкой на все четыре стороны.

Глава XIII

Бельмо в глазу

Пришибленный, просидел я в мастерской Орлова до вечера.

Давно пора мне уже было разобрать лодку и уйти, а я сидел, пил чай.

К вечеру в мастерской стали собираться люди. Пришел некоторый Петюшка Собаковский, пришла девушка Клара Курбе и неожиданно – милиционер-художник. Оказывается, Орлов близко сошелся с ним на почве граммофона. Милиционер Шура и принес граммофон, завернутый в газету.

Увидевши меня и лодку, Шура частично растерялся. Рыская глазом, пытался он найти признаки бамбука, спрятанные под серебряным платьем.

– А почему она серебряная? – сказал наконец он.

Я стал объяснять, а Петюшка и девушка Клара подошли к лодке, не замечая принесенного граммофона.

Между тем, по замыслу Шуры, именно граммофон должен был оказаться героем вечера. В глазах милиционера-художника мелькнуло беспокойство. Он понял, что лодка может помешать граммофону. Послушав меня минутку, Шура кинулся разворачивать граммофонную трубу.

– Осторожно! – воскликнул Орлов. – Не повреди раструб!

Тут я понял, что и Орлову лодка мешает. По его замыслу, гости должны были весь вечер под звуки граммофона и при свете керосиновых ламп смотреть на скульптурную группу «Люди в шляпах».

Скульптура, лодка и граммофон – для одного вечера это было слишком много. И если скульптура с граммофоном как-то соединялись, то лодка оказалась бельмом в глазу сразу у двух человек.

Орлов с милиционером повернулись к лодке спиной, девушка Клара, привыкая к обстановке, хлопала ресницами, ну а Петюшка Собаковский никаких бельм вообще не замечал. Он вертел своими собственными бельмами и торопился сесть за стол перекусить.

Орлов взял в руки граммофонную трубу, приставил узкий ее конец к собственному рту, а чудовищный раструб к уху Клары и проревел:

– Карл у Клары украл кораллы...

Клара Курбе счастливо засмеялась.

Милиционер-художник выхватил трубу и прокричал, что «Клара украла кларнет».

Орлов зажег с пяток керосиновых ламп, появился чайник, в комнате сделалось уютно.

Трубу приладили к ящику. Петюшка Собаковский схватился было за рукоятку, но Орлов с милиционером оттащили его от граммофона и стали крутить рукоятку сами. Пластика завертелась, и послышался вальс «Амур-ские волны».

Старинный вальс из древнего граммофона усилил керосиновый уют. В комнату спустились откуда-то нежность и легкая грусть. Далеким и тихим был звук, выливающийся из граммофонной трубы, далеким и тихим, как из морской раковины. Казалось, вальс доносится сквозь шум прибора.

– Бедные звуки... – шептала Клара Курбе. – Какие они тоненькие и маленькие...

– Вот это настоящая музыка! – подхватывал Орлов.

Милиционер-художник гордился граммофоном и командовал:

– Тише, тише! Дайте послушать!

Подперев руками щеки, все столпились, сидя вокруг граммофона. Орлов то и дело толкал Петюшку локтем, боясь, что тот пропускает красоту звука.

Петюшка и вправду красоту пропускал, налегая на кильку и яблоки.

Стали пить чай. Про лодку все позабыли, и Шура-милиционер купался в лучах граммофонной славы.

Глава XIV

«Люди в шляпах»

Между тем скульптурная группа «Люди в шляпах» по-прежнему оставалась в тени. Орлов хотел как-то подсоединить ее к граммофону, но это пока не удавалось. Чудовищная черно-красная труба-воронка уже буквально всосала в себя Клару Курбе, и Шура-милиционер сиял, направляя раструб на девушку.

– Мне кажется, труба граммофона похожа на какой-то головной убор, – сказал наконец Орлов. – Скорей всего, на необычную шляпу.

– Ничего похожего, – ответил Шура-милиционер, не ожидая неприятностей. – Она похожа на ухо.

– Жалко, что здесь нет никакой шляпы, – сказал Орлов. – А то бы мы сравнили.

– А группа-то скульптурная! – воскликнул Шура, попадаясь на удочку. – Вон там сколько шляп – и ничего похожего.

Скульптурную группу подтащили поближе к лампам и убедились, что действительно – ничего похожего.

Тут Петюшка Собаковский задумал отличиться. Он схватил граммофонную трубу и нахлобучил себе на голову. Милиционер сделал бровью, Орлов поморщился, девушка глянула на Петюшку с некоторым презрением.

Затырканный Петюшка отдал трубу хозяину и сел на место.

– Люди в шляпах, – сказала Клара Курбе, задумчиво улыбаясь Орлову. – Какой интересный замысел!

– Все в шляпах, – заволновался Орлов. – И у каждого под шляпой свой внутренний мир. Видите этого носатого? Носатый-то он носатый, а под шляпой у него все равно свой мир. Как думаете, какой?

Девушка Клара Курбе, а за нею и остальные пристально оглядели носатого члена скульптурной группы, прикидывая, какой у него внутренний мир.

– Ясно, что в этом человеке происходит борьба, – сказала Клара, – но борьба непростая.

Все снова вперились в носатого, размышляя, какая в нем может происходить такая уж борьба.

– Мне кажется, это борьба неба и земли, – пояснила Клара.

Все замерли, и Орлов растерялся, не ожидая, видно, от девушки такой силы взгляда. Милиционер же художник отчетливо остолбенел. Ему, пожалуй, и в голову не приходило, что небо и земля могут бороться. Краешком глаза глянул он на пол, а после на потолок.

– Все это правильно, – чуть заикаясь, сказал Орлов. – Точно подмечено. Именно – борьба...

– А под той кривой шляпой, – продолжала Клара, – под той – борьба огня с водой.

Милиционер с граммофоном окончательно пошатнулся. Силою своих взглядов девушка Клара Курбе решила затмить не только граммофон, но и скульптурную группу. Милиционер-художник обеспокоился. Выбравши одну из шляп попроще, он ткнул в нее пальцем и сказал:

– А под этой происходит борьба добра со злом.

– Хэ-хэ, – ответила Клара Курбе. – Ничего подобного.

Милиционер поежился и, закрыв рот, воззрился на Клару.

Орлов толкнул локтем Петюшку, который чем-то хрустел в кармане.

Вглядываясь в скульптурную группу, Клара молчала.

– Под этой шляпой происходит нечто иное, – замедленно начала она. – Это... борьба борьбы с борьбой!

Эти таинственнейшие слова совершенно ошеломили милиционера-художника и художника Орлова. Одна из керосиновых ламп внезапно пыхнула и погасла. Все общество, расширивши глаза, вглядывалось в Клару, соображая, может ли быть на свете такая неслыханная борьба.

Старый мой друг художник Орлов наконец-то поглядел на меня в поисках поддержки. Борьба борьбы с борьбой вышибла из его глаз мое бельмо, то есть лодку. Но обида еще не угасла во мне, и я решил не ввязываться в дело.

Орлов глянул на милиционера, но тот затравленно молчал, оглядываясь на граммофон. Петюшка Собаковский, которому запретили хрустеть, в расчет не принимался. Орлову надо было выпутываться самому.

– Борьба, – медленно выговорил он. – На вид человек как человек, а в душе все – борьба, борьба...

– Борьбы с борьбой, – подчеркнула Клара.

Орлов передернулся и опять глянул на меня.

– А мне нравится, когда борьба борется с борьбой, – сказал я, выручая старого друга, хорошего, в сущности, человека, который всегда выручал и меня.

– Подумать только! – воскликнула Клара, неприязненно оглядывая меня. – Вы, кажется, понимаете, что такое «борьба борьбы с борьбой».

– Конечно, понимаю, – сказал я.

– Что же это?

– Очень даже простая штука, – ответил я, глядя Кларе в глаза. – Я и сам один раз видел, как борец школы дзюдо боролся с борцом шко-лы каратэ. Вот это и была борьба борьбы с борьбой.

– Ерунда, – сказала Клара. – Чтоб понять, что такое «борьба борьбы с борьбой», надо много страдать, много думать.

– Я и думаю, только не о вашей борьбе, а о своей лодке, самой легкой в мире.

– Эта лодка самая легкая в мире?

– Самая легкая.

– А легче нету?

– Нету и не может быть.

Клара задумалась, встала из-за стола, обошла лодку.

– И здесь борьба, – сказала она, – легкое борется с тяжелым, но тяжелое побеждает.

Перешагнув через борт, Клара вдруг плюхнулась на капитанское место.

Этого я стерпеть не мог.

– А ну-ка вылазь! – крикнул я, вскакивая.

Потрясенная моим тоном, Клара оглянулась на Орлова.

– Вылазь, вылазь, – повторил я. – Вылазь без борьбы.

– Он хозяин, – развел руками Орлов. – Раз говорит «вылазь», значит, вылазь.

Клара Курбе выкарабкалась из лодки, под села к столу и нервно глотнула чаю. Орлов отодвинул скульптурную группу в тень. Клара отвлеченно звякала ложкой, не желая глядеть в мою сторону.

Вечер, кажется, был испорчен.

– Слушай, – сказал Петюшка, – а как называется твоя лодка?

– Сам не знаю, – ответил я, – еще не придумал.

– Ты знаешь, что я думаю, – сказал Петюшка. – У самой легкой лодки в мире должно быть и название самое легкое в мире.

Глава XV

Самое легкое название в мире

Такой выходки от Петюшки не ожидал никто.

В первую секунду все приокаменели, раздумывая, что, собственно, сделал Петюшка – брякнул ли глупость или высказал нечто разумное?

Напрягался милиционер-художник и даже почти схватился за голову, которая не успела переварить «борьбу борьбы с борьбой», а Петюшка подбросил нового материалу.

– Как это может быть – самое легкое название? – сказал Шура. – Легкая лодка – я понимаю. А название?

Петюшка Собаковский и сам растерялся.

– Ну взять, к примеру, название «Пена», – сказал он. – Пена-то легкая.

Тут уж всем стало ясно, что Петюшка ляпнул глупость. Только полный дурак может назвать свою лодку «Пена».

Клара замкнуто звякала ложкой. Теперь и на Петюшку смотреть ей не хотелось. Во-первых, он брякнул глупость; во-вторых, он разговаривал со мной. А после того, как я выгнал Клару из лодки, разговаривать со мной не должен был никто. Глянув на Петюшку, как на некоторую неприятную пену, Клара углубилась в чай.

Орлов с милиционером сразу поняли, что Петюшка потерял золотое место в сердце Клары, и молчали, решив свои места пока сохранить.

– «Пена» не годится, – сказал я. – Как-то нелодочно.

– Почему нелодочно? – спросил Петюшка. – Легонькая, беленькая, бегаёт по волнам.

– Да разве нет ничего легче пены?

– Наверно, есть, – сказал Петюшка. – Может быть, пепел? А?

Клара снова глянула на Петюшку, как бы превращая пену в пепел.

Милиционер-художник зашевелился. Ему явно хотелось влезть в разговор, но золотое место в сердце Клары накладывало печать на его уста.

Все эти Кларины взгляды и золотые места начали немного раздражать художника Орлова.

– «Пепел», – сказал он, не глядя на Клару. – Ну и название! Какой же дурак назовет свою лодку «Пепел»? Придумал бы что-нибудь нежное. К примеру, «Бабочка».

Милиционер-художник заерзал на стуле. Ясно было, что он придумал легкое название, но не решался его сказать, оглядываясь на Клару. Он так и сяк замыкал свой рот, но придуманное слово рвалось наружу.

– Ласточка! – гаркнул он.

Эта милицейская ласточка прорвала плотину, и птичьи названия полетели одно за другим: «Чиж», «Горихвостка». Вспыхнув на миг, название тут же меркло.

– Название должно быть даже легче птицы, – сказал Орлов. – Надо, чтоб оно и звучало легко и просто. Например, «Эхо».

– «Эхо» – не очень лодочно, – сказал я.

– Лодочно! Лодочно! – сказал Орлов. – И лодка, как эхо, будет летать от берега к берегу.

Я заволновался и неожиданно подлил чаю Кларе Курбе. Мне вдруг ужасно захотелось назвать свою лодку «Эхо». Я представил себе, как красиво можно написать это слово на серебряном борту, как будут удивляться капитаны встречных кораблей, читая: «Эхо».

– Есть кое-что полегче, чем эхо, – сказал Петюшка. Он давно помалкивал, выращивая в голове легкое название.

– Что же это? – спросил Орлов.

– «Ау».

– Чего?

- «Ау» легче, чем «Эхо». Просто – «Ау»!
- Ну и название! – усмехнулся Орлов. – «Ау». Вот лодка утонет, то-гда и будет – ау!
- Зато всего две буквы, – защищался Петюшка. – «А» и «у».
- Можно придумать название из одной буквы, – сказал Орлов. – Например, «О»! Чего уж легче – «О». Что может быть легче, чем «О»?
- «Привет», – сказала Клара Курбе, и мы не сразу поняли, что она предлагает свое название.

Глава XVI

Самое легкое название в мире (Продолжение)

– Привет, – повторила Клара. – Вот что самое легкое в мире. Один человек передает другому привет. Куда уж легче?

На миг я представил слово «привет», написанное на борту лодки, и мне стало скучно. Но я решил промолчать, зато милиционер-художник отомкнул уста:

– Да, – сказал он, – привет – легкая штукавина.

Тут уж всем стало окончательно ясно, что желание иметь золотое место в сердце Клары и в собственном сердце милиционера также занимало золотое место.

– А если один очень толстый человек передает привет другому очень толстому? – сказал Петюшка. – Какой тогда получается привет? Тяжелый или легкий?

Клара повела плечами.

– «Привет» для названия лодки не годится, – сказал Орлов. – Надо придумать что-то другое.

– Тогда «Мечта», – сказала Клара и задумчиво посмотрела на художника Орлова. – Мечта даже легче привета.

– То «Привет», то «Мечта», – грубовато хмыкнул Орлов. – Больно уж красиво.

Девушка Клара Курбе огорченно посмотрела на художника Орлова, который по собственной воле уходил из ее сердца.

– А если я мечтаю о двухпудовой гире? – спросил Петюшка, и милиционер-художник неожиданно хрюкнул от смеха, а потом ухмыльнулся.

Тут уж все мы – и я, и Орлов, и Петюшка – тревожно поглядели на Клару, надеясь, что она это хрюканье с ухмылкой не заметит.

Милиционер и сам напугался и попробовал преобразить неуместную ухмылку в сосание большого зуба. Но это не получилось – смешливая ухмылка тянулась, продолжалась. Все поняли, что милиционер-художник с громом и треском рухнул из сердца Клары на грязный пол.

Отчаяние и ужас отобразились в его глазах. Ему совсем не хотелось рушиться на пол. Да ведь он и ничего такого не сделал, только хрюкнул, только ухмыльнулся! Нельзя же так сразу – из сердца на пол!

С ужасом, повторяю, в глазах Шура-милиционер искал выход из неприятного положения.

– Ха-ха, – нервно засмеялся он в открытую. – Ну и насмешил ты меня, Петюшка. С чего ты мечтаешь о двухпудовой гире?

– Мечтаю, и все! – лаконично ответил Петюшка. – Выжимать ее хо-чу.

– Вот так мечты! – продолжал смеяться Шура, направляя свой смех на девушку. Из всех сил он приглашал Клару посмеяться над Петюшкой, но она даже не улыбнулась. Поджав губы, она глядела внутрь керосиновой лампы. Ясно было, что она хоть треснет, а больше никогда в жизни не взглянет на милиционера-художника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.